

Круиз с миллиардером

Автор:

[Лилия Орланд](#)

Круиз с миллиардером

Лилия Орланд

Наконец-то мне повезло, и я нашла отличную работу. Всего-то и нужно поухаживать несколько месяцев за старым, смертельно больным миллиардером. Заодно немного отдохну от своего братца и его хамоватой подружки. Вот только... Такой ли старый этот миллиардер? И настолько ли он болен? В тексте есть: #властный миллиардер #отношения начальника и подчинённой #разница в возрасте - герой намного старше #постепенно зарождающиеся чувства #неунывающая героиня #обязательный хэппи энд

1

Наконец-то мне повезло!

Кажется, я нашла работу, о которой могла только мечтать. Или всё-таки рано радуюсь?..

Тётя Катя разбудила меня звонком в семь утра и сообщила по-старушечьи хрипловатым, но всё ещё бодрым голосом:

- Я нашла тебе работу, готовь документы.

- Ура! - не смогла сдержать я восторга. - А что за работа? И где?

Почти неосознанно я скрестила пальцы на удачу. Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет подальше отсюда.

Не то чтобы я не любила родной город. Я прожила в нём двадцать четыре года и знала каждый уголок. Но сейчас готова была уехать хоть на край света, хоть ещё дальше, потому что старший брат и его невеста сделали мою жизнь совершенно невыносимой.

- В Европе, - обрадовала старинная подруга моей бабушки. - Танцуй!

- Да я уже пляшу от счастья, тётъ Катъ. Спасибо вам огромное, крупнейшее, гигантское... Вы меня просто спасли.

- Даже не спросишь, что за работа? - по-доброму усмехнулась она.

- Вы же знаете, я уже согласна на что угодно, лишь бы вырваться отсюда. Хоть ненадолго...

- Знаю, знаю, - она тяжело вздохнула. - После смерти бабушки тебе пришлось нелегко. А я обещала Маше, что позабочусь о её любимой внучке. И если тебе нужна передышка, значит, она будет. Тем более, что работа-то временная. Месяца на два-три, может, четыре. Кто знает, сколько он протянет...

- Погодите, тётъ Катъ, - я решительно ничего не понимала. - Кто протянет? Что протянет?

- Да клиент, миллиардер этот умирающий. Он перед смертью хочет сходить в круиз по Средиземному морю. При жизни-то некогда было, всё работа да работа. А тут сподобился.

- Круиз по Средиземному морю... - почти шёпотом повторила я, ухватив лишь это из рассказа тёти Кати.

- Сам он сейчас в Германии, в клинике, восстанавливается после операции. Но врачи говорят, не помогла, и осталось ему недолго. Вот наследники и подсуетились - скрасить папаше последние месяцы.

– А я-то тут причём? – догадалась-таки задать самый главный вопрос.

– Сиделка ему нужна, – охотно пояснила бабушкина подруга.

– Как сиделка? – я прям опешила. – Вы чего, тётя Катя? Я ж переводчик. Ну какая из меня сиделка?

И тут же почувствовала острый укол разочарования – не светит мне поплавать в Средиземном море. А я уже представляла себя на белоснежном песочке Лазурного берега с радужным коктейлем в руке. И обидно так стало. Я ведь море-то видела только в кино и на картинках.

Нас с Мишкой вырастила бабушка. А она хоть и работала не покладая рук, чтобы поднять нас с братом на ноги, но денег всё равно постоянно не хватало. И летние каникулы мы обычно проводили на старенькой даче. Мы с бабушкой выращивали овощи на небольшом, к счастью, огорожке, а Мишка гонял с пацанвой по дачному посёлку. Он и невесту себе там присмотрел. Или, скорее, это она его присмотрела...

– Софья! А ну отставить уныние! – прикрикнула на меня восьмидесятичетырёхлетняя фрау Шмидт. – Если я сказала, что нашла работу для тебя, значит, ты подходишь! Ну... почти по всем параметрам.

Мне не понравилось её последнее уточнение, но я промолчала. Уехать мне действительно было нужно. Поэтому я решила сначала выслушать всё, что она мне скажет.

– Заказчик выразился предельно ясно – медработник им не нужен. Отец уже сыт по горло больницей и врачами. Хочет последние месяцы провести на своей яхте, наслаждаясь жизнью. Они хотят... Сейчас, погоди, я записала... – она замолчала на пару секунд, шурша страницами. – Вот, нашла. Им нужна образованная женщина, со спокойным нравом, хорошей дикцией, которая при необходимости сможет сделать отцу укол. Ты сможешь, за бабушкой ведь ухаживала. Да и клиенту нужна, скорее, компаньонка, чем сиделка. Ну, что скажешь?

Я задумалась. Представила богатого умирающего старичка, который устал бороться с болезнью и хочет свои последние дни провести под жарким солнцем лазурного моря. Я его очень хорошо понимала и заочно уже жалела. Только

вот... А что если это скверный старикашка, который и мою жизнь сделает невыносимой? Я и так последние полгода в родном доме себя приживалкой чувствую, а тут опять с посторонним человеком уживаться.

– Тётъ Катъ, а какой у него характер? Как думаете, мы сможем с ним найти общий язык?

– Да откуда я знаю! – возмутилась бабушкина подруга, которую явно стали раздражать мои сомнения. – Я между прочим занимаюсь подбором персонала для клиентов, а не наоборот. Разумеется, тебе придётся подстраиваться под него. Но если не хочешь, можешь отказаться. У меня желающих – вагон и маленькая тележка.

– Нет-нет, я согласна... – попыталась донести свою позицию. Но куда там, фрау Шмидт уже разбушевалась.

– Я ей предлагаю уехать от брата, заработать очень хорошие деньги, повидать Европу, а она... Она, видите ли, считает, что ей может не подойти характер клиента! Да если б я твоей бабушке не пообещала о тебе, дуре, заботиться, уже давно положила бы трубку. И живи ты, как знаешь...

Она наконец выдохлась, и я смогла вставить свои пять копеек.

– Тётъ Катъ, ну конечно, я согласна. Спасибо вам огромное за вашу заботу. Я очень это ценю. Правда.

– Ладно уж. Я тут сделаю тебе рабочую визу, а ты пока собирай документы.

Судя по голосу, она начала оттаивать. Ну и прекрасно. Не хотелось бы поссориться. После смерти бабушки у меня почти не осталось близких людей...

– Тётъ Катъ, самый последний вопрос – а как его зовут, клиента?

– Джон Кэлтон. Он американец.

Адам Кэлтон припарковал свой чёрный спортивный Porsche в одном из переулков старого Берлина. Здесь располагалось агентство по найму персонала. Адам при помощи Мередит прошерстил несколько десятков контор, пока не нашёл то, что им нужно.

Владелица – совсем древняя старуха, которая к тому же курит как паровоз. Весь офис провонял табачным дымом. Кэлтону приходилось делать над собой усилие, чтобы не выказывать отвращения.

Но так даже и лучше. Не сегодня завтра эта фрау Шмидт отдаст богу душу, и тогда все их устные договорённости, а таких большинство, останутся никому неизвестными.

Адам не мог допустить, чтобы отец узнал о том, какие требования он предъявил при выборе сиделки.

Подпишет-то он стандартный контракт. Но ещё придётся приплатить фрау Шмидт за то, что она закроет глаза на отсутствие медицинского образования у сиделки. Пусть впадёт в панику, когда у отца начнётся очередной приступ. Ни к чему почти мертвецу квалифицированная помощь. Да и сам родитель утверждал, что устал от врачей. Так что Адам, можно сказать, исполняет последнюю волю умирающего.

Да ещё и Мередит, которую он взял с собой на первую встречу, потребовала, чтобы сиделка была страшненькой. Всё-таки, похоже, у неё ещё остались чувства к отцу. Хоть эта длинноногая красотка и ушла к Адаму, когда узнала, что один из самых богатых мужчин Соединённых Штатов Америки смертельно болен. Разумеется, она сделала правильный выбор. Зачем хранить верность мертвецу и остаться ни с чем, если можно согреть постель его наследнику и рассчитывать на брак с ним?

Адам знал, что бывшая невеста отца его тоже не любит. Мередит любит только деньги. А у Адама они скоро будут. Все деньги его отца. Осталось лишь дожидаться смерти папочки. Ну и по возможности её ускорить.

Конечно же, сам он не станет предпринимать ничего противозаконного. Он же не дурак. Но вот лишить отца квалифицированной медицинской помощи, когда тот окажется в открытом море... Это же не запрещено законом? Адам усмехнулся. Он всё продумал и совсем скоро окажется наследником многомиллиардного состояния своего отца, к которому ему не было доступа.

Адаму всю жизнь приходилось довольствоваться лишь жалкими подачками родителя. К тому же даже эти крохи нужно было зарабатывать. Отец не терпел лени и заставлял старшего сына работать в одном из филиалов своей компании. Причём даже не на руководящей должности.

Кэлтон-младший поднялся по старым, вытертым за долгие годы ступенькам. Офис фрау Шмидт располагался на втором этаже. Он был совсем крохотным – площадью футов в шестьдесят *, не больше. Вдоль стен стояли старые деревянные шкафы с кипами бумаг и папками. У единственного окна стоял стол, также заваленный различными документами. И ни следа компьютера или даже планшета. Даже телефон у старухи был проводной.

Сплошной антиквариат. И хозяйка, и интерьер.

Когда Адам оказался здесь в первый раз, он усмехнулся явному неумению фрау Шмидт пользоваться современной техникой. И это также было ему на руку – значит, она не догадается записать их разговор на камеру.

Конечно, он ничего предосудительного не сделал. Но, если отец, перенесший тяжелейшую операцию, узнает, как Адам выбирал ему сиделку, точно оставит все деньги приютам для бедных. Он уже грозился.

Кэлтон-младший постучал в дверь и, дождавшись приглашения, зашёл внутрь офиса.

Старуха сидела за своим древним массивным столом и что-то писала ручкой в блокноте.

Адам почувствовал раздражение. Слово и не она только что пригласила его войти своим прокуренным голосом.

– Добрый день, фрау Шмидт, – поздоровался он по-английски. Разумеется, Адам Кэлтон не собирался вспоминать немецкий язык, который краем уха слышал в колледже.

– А-а, мистер Кэлтон, здравствуйте, – залебезила она с противным акцентом. – Прошу, проходите, присаживайтесь.

Адам опустился на стул напротив владелицы агентства.

– Вы сегодня один... Надеюсь, ваша подруга мисс Бреннер в добром здравии?

Адам с трудом подавил вспышку раздражения. Эта старуха его бесила. Но она была самой старой и глупой хозяйкой агентства по найму персонала. Поэтому Мередит и выбрала её.

– С мисс Бреннер всё в порядке, – сквозь зубы выдавил он. – Вы подобрали сиделку моему отцу?

– О-о, конечно, мистер Кэлтон.

– Вы учли все мои пожелания?

– Разумеется.

– Расскажите мне о ней, – велел Адам, испытывая ещё большее раздражение от её отсталости и слишком услужливого тона.

– Двадцать четыре года, из России...

– Она русская? – перебил старуху Адам.

– Да, мистер Кэлтон, – улыбнулась фрау Шмидт, показывая прокуренные зубы.

– Надеюсь, она плохо говорит по-английски? – Адам прямо засиял от ещё одного плюса новой сиделки.

– Разумеется, мистер Кэлтон, – кивнула старуха.

– Но её фотографии у вас, конечно, нет?

– К сожалению, – она сделала трагическую гримасу, отчего стала ещё отвратительнее.

– Надеюсь, вы учли пожелание мисс Бреннер? Она страшная? – Адам чуть не добавил «как ты сама».

– Она просто уродлива, мистер Кэлтон.

Старуха взяла из кипы верхнюю папку и, открыв её на первой странице, протянула Адаму.

– Если вас всё устраивает, мистер Кэлтон, давайте подпишем договор. Разумеется, я не внесла некоторые пункты, которые вы не желаете разглашать... – она выделила интонацией слово «вы».

– А вы, – Адам тоже сделал ударение на этом слове, – получите отдельное вознаграждение за своё понимающее молчание.

Он вчитался в сухие сроки контракта. Всё в порядке. Мередит будет довольна.

* Фут – американская единица измерения длины, равен 0,3048 м.

3

Своих родителей я совсем не помню. Они погибли в аварии, когда я была ещё младенцем. Мишка старше меня на три года. Он немного помнит их. Но не любит об этом говорить. А сейчас мы с ним почти и не общаемся.

Всё из-за его Жанны...

Нам с Мишкой досталась в наследство трёхкомнатная квартира. Каждому по спальне. И гостиная, которая раньше была бабушкиной комнатой.

Но несколько месяцев назад у брата появилась девушка. Жанна жила в посёлке, где у нас была дача. Правда, в детстве мы не общались, так, виделись иногда на улице.

Даже не знаю, что Мишка в ней нашёл. Жанна крупная, из последних сил сдерживающая подступающую полноту. Высветляет волосы, чтобы казаться изящной блондинкой, но корова любой масти останется коровой. К тому же она по-деревенски грубая, с резкими движениями и словно вырубленными в скале чертами лица.

Может, я и предвзята. Но только с её появлением моя жизнь в родном доме стала совершенно невыносимой.

Сначала она периодически ночевала у нас. То есть у брата в спальне. Но утром она подолгу занимала ванную, затем кухню, оставляя повсюду свои крашенные волосы и крошки от еды. Я старалась не обращать внимания, не выходила из своей комнаты, пока Жанна не покидала квартиру. Но полгода назад она переехала к нам жить...

Я сдавала очередной перевод издательству и вернулась ближе к вечеру. В прихожей стояли огромные клетчатые сумки. Они были раскрыты, часть содержимого свесилась по бокам и даже кое-что выпало на пол.

- Миш, - постучала я в комнату брата, откуда доносилась громкая музыка.

- Чего тебе? - он приоткрыл дверь. Музыка стала ещё громче. За ней слышался женский смех.

- Что за бардак в прихожей?

В квартире убирала я, поэтому требовала от Мишки хотя бы соблюдения элементарного порядка.

– Жанна ко мне переехала, – пьяно ухмыльнулся он. – Да не парься ты, сестрёнка, всё уберём. Дай обжиться человеку.

Он захлопнул дверь у меня перед носом.

Не могу сказать, что мы с братом были очень близки. Но всё же, оказавшись единственными родными людьми на этом свете, мы старались поддерживать друг друга в меру возможности.

Сейчас же, оставшись по эту сторону закрытой двери, я почувствовала, что теперь осталась абсолютно одна...

Жанна обживалась неделю. Сумки так и стояли открытыми на прежнем месте. Одежда на поверхности периодически менялась. Ношеное она бросала обратно.

Потом я не выдержала и отнесла баулы в Мишкину комнату.

Вечером меня ждал скандал. Оказалось, я дурно воспитана и не знаю, что чужие вещи брать нехорошо. Жанна кричала на меня при молчаливом попустительстве брата. Когда она дошла до оскорблений, я подняла на Мишку глаза, ожидая, что он её остановит. Но мой брат просто вышел из кухни, предоставив нам самим разбираться друг с другом.

В этот вечер я впервые после смерти бабушки позвонила тётё Кате. Хотя на похоронах она и просила не теряться, я не хотела навязываться. Но сейчас мне просто необходимо было выговориться. Я попросила бабушкину подругу помочь мне найти работу. Где-нибудь подальше от дома.

Первый муж тётё Кати был военным. Он служил в Восточной Германии. На ночном дежурстве у него случился приступ аппендицита. Рядом никого не было. А он до последнего не покидал свой пост.

Оставшись вдовой, тётя Катя решила не возвращаться домой. Несколько лет она жила одна. А когда Германия объединилась, фрау Кэтрин встретила своего герра Шмидта и переехала к нему в столицу.

Агентство по подбору персонала фрау Шмидт было чуть ли не самым старым во всём Берлине. А его владелица могла похвастаться тем, что за сорок с лишним лет ещё ни разу не получала отрицательного отзыва.

У тёти Кати был талант. Нюх на людей, если хотите. Бабушка смеялась, что из Катерины вышла бы отличная сваха. Настолько тонко чувствовала она исходившие от человека флюиды и понимала, кто кому подойдёт идеальнейшим образом.

И если фрау Шмидт сказала, что я сработаюсь со старичком-миллиардером, значит, сработаюсь. Здесь с ней спорить бессмысленно. Как и сомневаться. Тётя Катя промахов не знала.

Я надела спортивные брюки и футболку. В лёгком халатике, после того как Жанна сдёрнула его с меня, оставив в одних трусиках, я выходить больше не решалась.

Подошла к двери и прислушалась. Вроде тихо. Открыла щечолду и толкнула дверь.

Если бы кто-то мне сказал несколько месяцев назад, что я буду запираяться за засов в собственной комнате, точно назвала бы его психом. А вот ведь как вышло.

Я быстро проскочила в ванную, а затем на кухню. Судя по грязной посуде в раковине, брат уже позавтракал и ушёл на работу. Раньше бы я сначала вымыла посуду. Но теперь просто отвернулась к плите и поставила чайник. Жанна много раз повторяла, что у них своя семья, и мне нельзя в неё лезть. Значит, и свою посуду их семья сама будет мыть.

Я дома почти не готовила, обходилась бутербродами или йогуртами и фруктами. Если хотелось горячего, ходила в ближайшую столовую. Но вот без кофе утром обойтись не могла. Поэтому приходилось вставать после ухода брата, но до пробуждения его невесты.

Жанна сейчас нигде не работала, поэтому зачастую могла спать до обеда. И это было лучшее время дня и самое тихое. Я могла спокойно работать всё утро, зная, что меня никто не побеспокоит.

Причём Жанна и правда стала невестой брата. Недавно они с Мишкой подали заявление в ЗАГС. Я не вмешивалась и ничего не спрашивала, потому что каждое слово принималось в штыки и служило поводом к очередному скандалу.

Кофе я допила уже в своей комнате. Затем надела строгое платье, закрытые туфли на каблуках и направилась в визовый центр. Чем быстрее оформлю все документы, тем быстрее покину родной дом.

И сожаления в данном случае я уже не испытывала. Я очень устала жить на вулкане. Мне нужен был перерыв, чтобы решить, как быть дальше. Нужно уехать подальше от дома и брата с его невестой. И круиз со стареньким миллиардером по Средиземному морю как нельзя лучше для этого подходит.

4

Такси привезло меня на окраину Берлина, на тихую улочку с труднопроизносимым названием. Показала водителю бумажку с записанным на ней адресом, иначе рисковала так и остаться в аэропорту. Вообще-то, я говорила на трёх языках, но немецкий в их число не входил. На нём я если изъяснялась, то со страшным акцентом. К счастью, читать могла, да и устную речь более-менее разбирала. А тройка в зачётке меня нисколько не расстраивала.

Здесь повсюду была зелень. Столько деревьев и цветов одновременно я видела только в нашем центральном парке. Выйдя из машины, глубоко вдохнула совершенно не городской воздух.

Дверь одного из домов открылась, и мне навстречу засеменила приятная пожилая женщина с уложенными с стильную причёску волосами. Одета она была в брючный костюм лососевого цвета, на ногах – белые летние туфли на каблуках, на лице яркий макияж, который в середине дня себе могут позволить только женщины преклонного возраста. Ну или лёгкого поведения.

Но, вообще, на восемьдесят четыре фрау Шмидт никак не выглядела. Она смотрелась весьма бодрой и активной. И судя по её внешнему виду, посещала не только стилиста, но и фитнес-клуб.

– Девочка моя, как ты выросла, – тётя Катя весьма прытко посеменила ко мне.

Я двинулась ей навстречу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

– Ну-ну, что ты, милая, перестань разводить сырость, – она обняла меня, и, хотя для этого пришлось нагнуться, я с радостью прижалась к её груди. – Всё будет хорошо, деточка. Я о тебе позабочусь.

Она похлопала меня по спине и отстранилась.

– Пойдём в дом, Вильгельм занесёт твои вещи.

Внутри было чисто, аккуратно и по-немецки лаконично. Я огляделась. Стильная кожаная мебель, деревянный пол и лестница. Тёмные деревянные балки на белом потолке.

Пахло кожей, деревом и табаком. Фрау Шмидт по-прежнему курила как паровоз. Когда-то бабушка ругалась, что сигареты сведут подругу в могилу. Но жизнь разрешила иначе.

– Вил, – позвала тётя Катя по-немецки. – Вил, подойди сюда.

Никто не ответил. Тогда она подошла к стоявшему у окна креслу и потрясла за плечо дремавшего в нём человека. Я его сразу и не заметила, так тихо он сидел.

– А?! Что?! Катэрин, что случилось?! – закричал он испуганно.

– София приехала. Занеси в дом её чемоданы! – вдруг также громко заорала тётя Катя.

– Хорошо! Сейчас! – прокричал он в ответ.

Из кресла поднялся высокий худой старик и, слегка согнувшись, пошаркал ко мне. Супруга его сопровождала.

– Познакомься, Вильгельм, это София!

Старик протянул мне сухую жилистую руку, и я вложила в неё свою ладонь. Его пожатие оказалось на удивление крепким.

– Рад, что вы приехали! Катэрин много о вас рассказывала! – проорал он мне в лицо.

– Я тоже очень рада, – сделала над собой усилие, чтобы не отшатнуться, и негромко ответила на ломаном немецком, за который мне было очень стыдно.

– А?! – старик приложил ладонь к уху.

– Пойдём, пойдём, – тётя Катя подхватила меня под локоть и увела на второй этаж, где находилась приготовленная для меня комната.

Сами супруги теперь спали внизу. Вильгельму тяжело было подниматься по лестнице, а жена боялась оставлять его одного. Всё-таки ему уже семьдесят шесть.

– Он, совсем оглох, мой Вильгельм. Даже когда он в слуховом аппарате, приходится кричать как полоумной. Ничего не слышит, бедняга, – жаловалась тётя Катя, открывая передо мной дверь гостевой комнаты.

Здесь было очень уютно, но при этом стильно. Да и вообще в доме, кроме самих его владельцев, ничто не напоминало о том, что здесь живут старики. К интерьеру и подборке мебели явно приложил руку и вкус хороший немецкий дизайнер.

– Ты располагайся тут, а через полчаса ждём тебя к обеду. Я очень рада тебя видеть, – тётя Катя ласково погладила меня по щеке, и всё внутри сжалось.

– Я тоже, – глаза защипало, но тут меня отвлек звук застучавших по доскам колёсиков моих чемоданов.

Герр Шмидт вкатил их в комнату, и они с супругой оставили меня одну.

Я легла на кровать и раскинула руки в стороны. Ну вот и началась моя новая жизнь. Хоть и временная. А потом посмотрим, что-то да придумается.

За обедом говорили только мы с тётёй Катей. По-русски. Вильгельм молчал, меланхолично пережёвывая свою свинину и запивая её тёмным пивом.

Мне было немного неловко, и я то и дело поглядывала в его сторону, размышляя как бы так начать беседу, чтобы не пришлось выкрикивать каждое слово.

– Ты не переживай, – успокоила меня Катерина, – он теперь почти всегда молчит. А вот раньше рот у него не закрывался. Я даже обрадовалась, когда Вильгельм оглох, и ему стало сложно общаться. Поначалу-то он пытался, но все соседи и знакомые разбежались. Вот и замолчал. И слава богу.

Тётя Катя говорила о муже несколько иронично, но чувствовалось, что она его любит. Это проглядывало в её жестах, заботе. В том, как услужливо она накладывала супругу салат на тарелку или подливала пива, стоило стакану опустеть.

Это было так мило и немного грустно. А вот буду ли когда-нибудь я сидеть так рядом со своим престарелым мужем и заботливо поправлять ему съехавшую с колен салфетку?

– Хорошо, что ты приехала сегодня, – наконец перешла она к главному вопросу. – Клиента из клиники забираем в понедельник, и у нас впереди целых два выходных, чтобы тебя подготовить.

– Что значит – подготовить? – напряглась я. Кажется, тётя Катя мне не всё рассказала.

– У заказчика было одно условие... Точнее даже два. Сиделка должна плохо говорить по-английски...

У меня глаза полезли на лоб от такого требования.

– И она должна быть очень некрасивой. Прямо страшной.

– Что? – у меня некрасиво отвалилась челюсть. – Какие-то странные требования, тётка Катя. Что-то тут не так. Может, мне отказаться, пока не поздно?

– И что? – развела она руками. – Вернёшься домой? К братцу и его невесте? Других предложений у меня сейчас нет. И когда появятся – неизвестно.

Тут уж крыть мне было нечем. Или странный клиент и круиз по Средиземному морю, или адский ад дома.

– Давай поступим так, – Катерина достала мундштук, вставила в него тонкую длинную сигарету и, прикурив, глубоко затянулась. – Съездим в понедельник в клинику, посмотрим на них и там, на месте, решим. Договорились?

Я кивнула. Ну не лететь же мне обратно.

– Ну тогда давай займёмся твоим внешним видом, – Катерина довольно усмехнулась, словно уже представляя, как сделает из меня первостатейную страхолюдину.

5

Сквозь щель в неплотно закрытых жалюзи просочился солнечный лучик и скользнул по лицу спящего человека. Джон Кэлтон открыл глаза и тут же зажмурился.

Это грёбаное солнце. Уж в такой дорогой клинике могли бы найти жалюзи и поплотнее. Он отвернулся от окна и попытался досмотреть сон, но даже провалиться в дрёму ему так больше и не удалось.

За пять недель Джону здесь осточертело всё. И стерильная белизна комфортабельной палаты, обставленной по последнему слову медицинской моды и техники. И ортопедический матрас с анатомической подушкой, обладающие собственной «памятью». И эта глупая орхидея в круглой прозрачной вазе. И даже крупная медицинская сестра, поливавшая цветок раз в неделю, при этом что-то приговаривая по-немецки.

Но больше всего деятельную натуру Джона раздражала невозможность вставать и передвигаться самостоятельно. Ему длительное время приходилось каждое утро звонить сестре и ждать, когда ему помогут подняться с постели, посадят в кресло-каталку. И что самое унижительное – подадут «утку».

Сейчас он уже мог выполнять все эти процедуры самостоятельно. Пусть и медленно. Но доктор потребовал, чтобы Джон ещё некоторое время пользовался помощью сестры-сиделки. Ну хоть от «утки» ему удалось отказаться.

Он поморщился и нажал на кнопку – природные потребности требовали немедленно ими заняться. Причём без промедления.

После выполнения всех утренних процедур в палату вошёл владелец этой элитной клиники, мировое светило в абдоминальной* хирургии и по совместительству один из немногих друзей Джона.

Впрочем, глядя на них, сложно было поверить в подобную дружбу. Ведь эти двое мужчин разнились как день и ночь.

Фридрих Кёлер был невысокого роста и довольно плотного телосложения, с уже выступающим брюшком. На макушке у него проглядывала лысина, пока ещё не слишком бросающаяся в глаза из-за светлых волос. Светло-голубые глаза постоянно щурились, если доктор забывал надеть очки.

Джон Кэлтон, напротив, был высок и худощав. Его впалые щёки делали подбородок особенно острым, так что казалось, им можно прорвать лист бумаги. Ещё несколько месяцев назад он был в отличной спортивной форме, но болезнь выпила из него слишком много жизненных сил. Как настоящий боец, Джон не сдавался. И вот теперь настало время вернуться к своей жизни и покинуть стены заведения, где ему спасли жизнь.

– Ты должен быть осторожен, Джон, я не для того вытащил тебя с того света, чтобы ты снова туда отправился. Вообще, я бы не рекомендовал тебе покидать клинику сейчас, ты ещё не до конца оправился.

В голосе Фридриха сквозила обеспокоенность.

– Знаю, дружище, и всё понимаю, но я должен выяснить, кто из них пытался меня спроводить на тот свет. А здесь, под твоей защитой, они не решатся на ещё одну попытку. – Кэлтон на несколько секунд прикрыл глаза, и не ведающий пощады дневной свет подчеркнул заострившиеся черты его измождённого лица.

– Вот потому тебе и стоит ещё немного побыть под моей защитой. Ты слишком рано начал рваться на свободу.

– Я не могу вечно прятаться у тебя под крылом, Фрид. Я очень благодарен, что ты меня вытащил. Ты спас мне жизнь, но теперь я должен разобраться, кто так сильно желал её сократить...

– Мне жаль, что ты такой твердолобый, Джон. Но если ты точно решил уйти от меня, позволь дать тебе дельный совет – не бери непроверенную пищу от непроверенных людей.

– Вот уж не сомневайся, – Кэлтон печально хмыкнул, – больше я не желаю проходить через подобное. У меня на яхте неоднократно проверенный повар. Да и вся команда... Я доверяю этим ребятам. А главное, я буду некоторое время оторван от материка и смогу собраться с мыслями в спокойной обстановке.

Их беседу прервала крупная медсестра, которая пробубнила что-то на немецком и вышла. Несмотря на то, что Джон провёл в клинике своего друга больше месяца привыкнуть к режущим слух звукам германской речи он так и не смог.

– Хм, – Фридрих выглядел озабоченным. – Эльза говорит, что приехал твой сын, с ним... Мередит и ещё две какие-то женщины.

Упоминание бывшей любовницы друга, которая после известия о болезни Джона переметнулась к его сыну, заставило доктора смущённо откашляться. Ему казалось, что Кэлтон-старший переживает эмоциональную травму.

– Чёрт! – поморщился Джон. – Я же упомянул, что сегодня покидаю клинику. И сынок прибежал пожелать мне счастливого выздоровления.

– Думаешь, это он? – напрягся Фридрих.

– Не знаю, дружище, я не знаю... – Кэлтон провёл ладонью по короткому ёжику волос, взлохмачивая его. – Знаю только, что кто-то достаточно приближенный ко мне имел возможность подсыпать мне несколько месяцев эту гадость в еду. И если бы ты вовремя не вмешался, скорее всего меня уже не было. Мне только сорок шесть, и я хочу ещё потоптать эту землю. Поэтому и должен выяснить, кто это делал. Кто методично и регулярно меня травил. Конкуренты, которым я перебежал дорогу, или же кто-то из моих... – он усмехнулся, – домочадцев...

– Ты выйдешь к ним?

Джон на несколько мгновений задумался, а затем кивнул.

– Давай каталку, хочу выглядеть максимально недееспособным. Официальная версия у нас остаётся прежней? – он оглянулся на друга.

– Да, – Фридрих серьёзно кивнул. – Тебе делали полостную операцию. Я удалил опухоль вместе с частью желудка.

– Это отличная причина, чтобы питаться отдельно, – кивнул своим мыслям Джон. И добавил. – Спасибо за всё, Фрид.

– Не за что, – улыбнулся доктор Кёлер, – я просто возвращаю тебе старый должок.

– Ну раз возвращаешь, мог бы и не брать бешеную сумму за лечение, – не удержался от подкола Джон, зная, что он не будет неправильно истолкован.

– Если б я не брал с тебя денег, это выглядело бы слишком подозрительно, – логично и рассудительно заявил Фридрих, только в близоруких бледно-голубых глазах плясали смешинки.

Медсестра Эльза вкатила в палату кресло-каталку и помогла пациенту перебраться в неё. Джон с трудом стоял на ногах и опирался на сестру почти всем весом. Он знал, что Фридрих доверял персоналу своей клиники, но, как говорится, бережёного и бог бережёт. А ведь и он сам совсем недавно доверял не тому человеку, и это едва не стоило ему жизни. Теперь Джон разыграет свою пьесу. Да такую, что сам Шекспир обзавидуется.

Эльза неспешно выкатила его кресло из лифта. Гостиная для встреч располагалась на первом этаже. Едва миновав дверной проём Джон заметил свою бывшую девушку. Её ладонь небрежно покоилась на руке его сына.

Внутри что-то сжалось. Чёрт! Он и не думал, что будет так болезненно реагировать на её предательство. Ведь Джон никогда не питал к Мередит глубоких чувств.

Она была хороша в постели, умела вести себя в обществе и выступить радушной хозяйкой на приёме. В последнее время Джон даже начал помышлять о женитьбе. Но затем его самочувствие стало ухудшаться. Всё закрутилось. Врачи. Клиники. Анализы.

Теперь Джон был даже рад своей болезни. Она всё расставила по местам.

Заметив его, Мередит побледнела, её глаза расширились, а пальцы резко сжали предплечье Адама. Тот обернулся к отцу.

Джон слишком тщательно вглядывался в их лица. Выискивал в мимике когда-то близких людей подтверждение тому, что кто-то из них хотел его смерти. Даже не просто хотел, а прилагал нешуточные усилия, чтобы её приблизить.

Поэтому двоих, стоявших чуть в стороне, женщин Джон заметил не сразу. Зато, когда разглядел с трудом удержал непечатное выражение, так и рвавшееся с языка.

Одна из них – костлявая старуха, размалёванная как клоун и одетая в стиле королевы Елизаветы с такой же дурацкой шляпкой. А вторая...

При взгляде на неё Джон не смог сдержать дрожь. Это было какое-то чудовище в безразмерном тёмно-сером балахоне. На голове у монстра вились объёмными патлами мышиного цвета волосы. А на носу, совершенно скрывая выражение глаз, поблёскивали стёклами несуразные круглые очки.

– Познакомься, пап, это твоя сиделка, она будет сопровождать тебя в путешествии.

Что?!

Джон не смог ничего выговорить вслух, только сглотнул образовавшийся в горле ком.

– Здравствуйте, меня зовут София, – произнесло чудовище с таким же чудовищным акцентом.

Левый глаз Кэлтона задёргался в нервном тике.

* Абдоминальная хирургия – общее название всех видов хирургического вмешательства на все внутренние органы, расположенные в брюшной полости.

6

Я с сомнением оглядела себя в зеркале. Если честно, отражение меня слегка пугало. Точнее, даже не слегка, очень пугало.

– Вы уверены? – я обернулась к тёте Кате, с каким-то преувеличенным восхищением разглядывающей творение рук своих.

– Как никогда, – довольно улыбнулась она и прикурила очередную сигарету.

Я снова повернулась к зеркалу.

На меня смотрела настоящее пугало с огорода. Которое способно напугать не только стаю ворон, но и самого огородника до инфаркта. Особенно, если б встретилось на пути в тёмное время суток.

Тётя Катя нашла мне объёмный парик серого цвета. Там локоны скручивались в совершенно неестественные завитки. Да ещё и круглые очки. К счастью, они были с обычными стёклами. Не хотелось бы из-за этого маскарада ещё и испортить себе зрение.

– Тётя Катя, ну скажите, зачем мне эта маскировка? Почему сиделка обязательно должна быть таким пугалом?

Катерина подошла ближе и встала за моим плечом. Мы вместе смотрели на моё отражение, и я видела, как в её взгляде пляшут хитринки.

– Обязательно – требование заказчика, помнишь?

Она глубоко затянулась и выдохнула, меня окутал запах табачного дыма. Я закашлялась, и тётя Катя отошла в сторону.

– Что ж, думаю, ты почти готова. Осталось ещё поработать над твоим акцентом.

– Тётя Катя, по-моему, это всё перебор, – я стянула парик и очки, глядя на себя собственными глазами, светло-кариими. Распустила стянутые в пучок волосы.

– Просто доверься мне, моя девочка. Обещаю, что эта маскировка ненадолго.

Оставшийся вечер воскресенья фрау Шмидт работала над моей речью, дикцией и созданием жуткого акцента, что с моим почти оксфордским произношением было весьма затруднительно. Английский я любила больше всего, а потому основное внимание в университете уделяла именно этому языку, долгие часы слушая речи британской королевы в парламенте и занимаясь постановкой нормативного произношения.

Впрочем, ломать всегда проще, чем строить. Основное я уяснила – нужно коверкать слова, и чем сильнее, тем лучше. Хотя если уж по справедливости, то это американцы исковеркали английский язык. Поэтому для них правильная речь уже будет акцентом. Но с изувером-учителем по имени Катерина было лучше не спорить.

Кажется, в итоге она осталась мной довольна. По крайней мере, спать она меня отпустила. Но строго-настрого наказала быть внизу ровно в семь утра, иначе оставит без завтрака, и что самое страшное – без кофе.

В клинику мы ехали почти в полном молчании. Фрау Шмидт даже радио не включала, погружённая в свои мысли. А я с утра вообще не отличаюсь излишней

разговорчивостью. К тому же жутко хотелось спать.

Но за два часа пути я успела проснуться и даже с интересом разглядывала проносившиеся за окном немецкие пейзажи. Около десяти утра мы прибыли на место.

На первом этаже клиники располагалось кафе для посетителей. И там нас уже ждали.

Они не понравились мне сразу. С первой секунды.

Особенно оценивающе-презрительный взгляд Адама Кэлтона и неожиданно одобрителный, но не добрый его подружки Мередит. Конечно, я была в парике, дурацких очках и безразмерном балахоне, но что-то мне подсказывало, даже и не будь на мне маскировки, эти люди вряд ли встретили б меня приветливо.

Фрау Шмидт представила меня с такой гордостью, словно произведение искусства, которое сама сотворила за выходные. Впрочем, ведь так оно и было, если не придирается к мелочам.

– Доброе утро, меня зовут София Горцева, очень рада познакомиться, – я произнесла эту фразу по-русски, намеренно огрубляя голос, и протянула Адаму Кэлтону руку для знакомства.

Теперь он смотрел на меня более одобрительно, подал мне пальцы. Причём его ладонь показалась мне какой-то вялой и нерешительной. В отличие от его подружки. Которая сжала мне руку так, что я еле вытащила её из железного захвата.

Вот так дамочка, я тут же решила, что от неё следует держаться подальше.

– Прекрасный выбор, фрау Шмидт, – произнесла Мередит, разглядывая меня как какое-то невиданное насекомое. И в её голосе мне послышалось шипение змеи. Я даже с трудом подавила желание отшатнуться.

– Она понимает нас? – спросил Адам у тётки Кати, напрочь игнорируя моё присутствие. Для него я была чем-то вроде манекена в дурацких очках.

– Хм, – она сделала вид, что задумалась. – Ну... примерно половину из того, что мы говорим.

– О-о, – Адам с Мередит переглянулись, и наконец он выдал вердикт. – Это просто замечательно. Фрау Шмидт, вы выбрали идеальную кандидатуру, не зря о вас идут такие одобрительные отзывы.

– Спасибо, мистер Кэлтон, – тётя Катя улыбнулась не хуже крокодила. – Надеюсь получить чек до конца дня.

Я никак не могла понять, что она затеяла. И к чему весь этот спектакль.

Адам отошёл к стойке администратора, и за нашим столиком повисло неловкое молчание. Точнее, неловким оно было для меня. Поскольку тётя Катя продолжала улыбаться, как будто только что сбила все мишени в тире. А Мередит вообще с непринуждённой грацией делала вид, что она не с нами сидит за столиком в больничном кафетерии, а, как минимум, нежится в шезлонге на Багамских островах.

Адам Кэлтон вернулся и позвал нас в гостиную. Он был напряжён. А вслед за ним и Мередит растеряла своё благодушно-рассеянное выражение. Теперь она была напряжена и собрана. Вот точно как кобра, готовая в любой момент броситься на чужака, показавшегося на её территории. По пути она то и дело брала своего любовника под локоть, но затем, словно опомнившись, убирала ладонь.

В гостиной для встреч с больными больше никого не было. Только мы четверо. Тётя Катя, как опытный снайпер, выбрала позицию у окна и поманила меня к себе. Адам и Мередит стояли посреди комнаты.

И тут дородная сиделка вкатила инвалидное кресло.

Это был словно удар под дых.

Его лицо худое и измождённое, будто он не ел несколько дней. Или даже недель. Или сражался с неизлечимой болезнью. Я вдруг поняла, что даже не удосужилась узнать у тётя Кати, чем болен этот человек. Как-то

удовлетворилась информацией, что он скоро умрёт.

Но теперь я в это не верила. Его глаза... Они горели жарким огнём, жаждой жизни. Я в первую же секунду поняла, что этот мужчина – настоящий боец. И просто так болезни он не сдастся.

Да и стариком он вовсе не выглядел. Стоп! А с чего это я решила, что он старый? Мне даже никто подобного не говорил. Просто тётя Катя упомянула, что миллиардер скоро умрёт, и я априори записала его в старики. Вот дура.

Я внимательно следила за ним, сидевшем в инвалидном кресле. Поэтому увидела, как он впился немигающим взглядом в лицо Мередит, заставив ту побледнеть. А затем Адама...

Что-то эти люди не выглядели как счастливые родственники в момент долгожданной встречи. Скорее, это было противостояние... конкурентов?

Я одёрнула себя, пока не напридумывала всякой ерунды. В конце концов, откуда мне знать, как выглядят безоблачные отношения в этой семье. Сама ведь после смерти бабушки с братом перебросилась лишь парой фраз. А здесь американцы, у них другой менталитет.

А затем он увидел меня...

О-о, какая гамма эмоций отразилась на его лице. Удивление, недоумение, отвращение, брезгливость...

Ну уж спасибо, тётя Катя, вот так удружила. Не видать мне миллиардерской яхты как своих ушей.

Но тут вышел из ступора Адам Кэлтон.

– Познакомься, пап, это твоя сиделка, она будет сопровождать тебя в путешествии.

Лицо Джона вдруг превратилось в непроницаемую маску.

Я постаралась улыбнуться как можно более приветливо и произнесла по-английски, но с тем самым репетированным все выходные акцентом.

- Здравствуйте, меня зовут София Горцева.

Мне показалось, или у миллиардера задёргался левый глаз?

Вот сейчас он пошлёт меня на три буквы, или ещё куда подальше. И Адам Кэлтон тоже это увидел. Он подошёл к отцу и откатил кресло в противоположный угол комнаты.

Я не слышала разговора, но внимательно следила за их жестами. Похоже, Джон Кэлтон был в шоке, поэтому не смог подобрать убедительных аргументов против моего присутствия. Я поняла это по торжествующему выражению лица его сына.

К тому же Джон был действительно болен. Он не изображал слабость. В нём почти не осталось жизненной энергии. Так что держался он сейчас на чистой силе духа.

А вот Мередит при взгляде на отца своего парня била крупная дрожь. Да что вообще здесь происходит и во что это я ввязываюсь?

Я повернулась к тёте Кате. Она ободряюще улыбнулась мне и прошептала:

- Просто доверься мне. Всё будет хорошо.

7

Джон Кэлтон устало кивнул, соглашаясь с предложением своего сына. Но, когда его вывозили из гостиной, бросил на меня такой взгляд, что по рукам пробежали полчища мурашек.

Кажется, я чего-то не понимаю.

Я думала, что Адам Кэлтон нанимает сиделку, чтобы помочь своему отцу. Почему же тот против? А Джон явно против моей кандидатуры. Да и вообще, похоже, он только что узнал о намерении своего сына и не слишком ему обрадовался.

Я хотела было отказаться, но... Этот таинственный мужчина заинтриговал меня. Он был слишком необычным. Могу с полной уверенностью утверждать, что никогда раньше не встречала подобных ему людей.

Джон Кэлтон был одновременно сильным и слабым, уверенным в себе и растерянным. Он не привык зависеть от кого-то, но сейчас, я видела, не мог справляться самостоятельно. Это ему не нравилось, но изменить что-то пока он был не в силах.

И вдруг я поняла, что хочу помочь ему. Подставить плечо, стать опорой. Пусть ненадолго. Пусть на несколько месяцев. Но я сделаю всё от меня зависящее, чтобы Джон Кэлтон встал на ноги.

И ещё – я заслужу его доверие. Во что бы то ни стало. Почему-то это казалось мне самым важным.

Когда Джона увезли, его родственники выдохнули с облегчением и заметно расслабились. Мередит перестало трясти, а Адам повеселел и даже попытался пошутить на тему, как легко мне будет работать с его отцом. Я юмора не оценила. Да и остальные, похоже, тоже. Только его подруга натянуто улыбнулась, думая явно о чём-то совершенно другом.

Затем ушли и они. И мы с Катериной остались вдвоём.

– Не волнуйся и ничего не бойся, – начала она наставления. И вот тут я почувствовала, что меня затрясло.

– Тётень Катя, что-то я и правда боюсь, – стало зябко, и я обняла себя за плечи.

– Да успокойся ты! – фыркнула она. – Ну вот чего тут бояться?

Она оглянулась и, убедившись, что мы остались одни, продолжила.

- Джон - очень порядочный человек, в отличие от своего сыночка. Вот кто настоящая жаба. Да и Мередит эта, крутила шашни с отцом, а как он захворал, переметнулась.

- Что? Мередит встречалась с Джоном?

- Не просто встречалась, претендовала на звание миссис Кэлтон.

- Ну ничего себе Санта-Барбара, - я ошарашенно выдохнула.

Катерина достала из пачки сигарету и воровато оглядевшись сунула её обратно в клатч.

- Тётъ Катъ, а есть ещё что-то, что мне нужно знать о Джоне Кэлтоне и его семье?

- Со всем остальным ты разберёшься на месте. Я в тебя верю.

Фрау Шмидт помогла выгрузить мои чемоданы из багажника и, помахав мне ручкой, укатила. А я затащила вещи в гостиную и принялась ждать, когда мой... хм... подопечный покинет клинику.

Слово «подопечный» ну совсем не подходило Джону Кэлтону. Скорей уж он выглядел нанимателем, боссом, даже несмотря на своё потрёпанное состояние. Но я решила к словам не придирааться. Не до того сейчас.

Уж не знаю, чем он там занимался и что собирал. Но прождать мне пришлось почти два часа. Я даже умудрилась задремать на неудобном диванчике, используя один из чемоданов в качестве скамеечки для ног.

Разбудило меня нетерпеливое покашливание у самого уха. Я вздрогнула, просыпаясь. Увидела склонившегося ко мне Джона и, сама не понимая, что делаю от испуга, вскочила на ноги. Точнее только попыталась...

Правая туфля соскользнула с крышки чемодана, но зацепилась каблуком за раскрытый по недосмотру боковой карман. Я, попытавшись удержать

равновесие, качнулась в бок всем корпусом и взмахнула руками.

И вдруг... словно в замедленной съёмке, увидела, что моя левая рука, почему-то сложившаяся в кулак, летит прямо в лицо моему... нанимателю. Который буквально через пару мгновений уже станет бывшим. Так и не успев побыть настоящим.

Но... этого не произошло.

Джон Кэлтон, совершив быстрое, чёткое и совершенно не заметное для моего ошарашенного взгляда движение, перехватил мою руку буквально в нескольких сантиметрах от своего лица и остановил замах.

А вот тело по инерции, повинаясь законам физики, которые по какому-то чудовищному недосмотру действовали на этой планете, продолжило двигаться вперёд.

Мамочки!

Моё лицо какое-то недолгое мгновение пролетало мимо его лица. И я успела заметить, как удивлённо расширяются глаза Кэлтона. А затем движение пошло дальше и закончилось лишь, когда я оказалась на коленях и уткнулась лицом в живот своему нанимателю. Но, подчиняясь всё той же проклятой инерции, сползла ниже. Остановившись меж его приветливо расставленных бёдер. Правой щекой ощущая шов его джинсов.

Стыдно было так, что я боялась поднимать голову. Но оставаться в таком положении было ещё хуже. Поэтому я всё же рискнула.

Джон по-прежнему продолжал удерживать мою руку. Но тут же отпустил, стоило мне потянуть её.

Ну а потом настал самый позорный момент моей биографии...

Я уперлась ладонями в сиденье инвалидного кресла, по обе стороны от бёдер мужчины, и попыталась приподняться. Сам наниматель, видимо, пребывал в шоке от моей выходки, поэтому никак мне не препятствовал.

– Джон, я вижу, тебе уже гораздо лучше, – произнёс насмешливый голос с немецким акцентом.

Вот же...

Я забарахталась, пытаюсь скорее выбраться из плена мужских бёдер. Хотела было рвануться, наплевав, что они обо мне подумают. Но вовремя вспомнила о маскировке.

Блин! Надеюсь, парик не сполз.

Я оторвала ладони от кресла и быстренько проверила свои накладные локоны. Фух, кажется всё на месте.

– Вы долго собираетесь там копаться? – раздался прямо надо мной раздражённый голос. – Я думал, мой сын нанял вас в качестве сиделки. Иные услуги мне не требуются.

Я подскочила, будто ошпаренная кипятком. Было так стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю.

– Нет... я... Я не... – мямлила что-то, чувствуя, как горят алеющие щёки.

– Ну, в данный момент, вы, скорее, да, чем нет, фрау. Или вы фройляйн? – тот же насмешливый голос и немецкий акцент.

Я наконец-то отстранилась от кресла и подняла голову. Посреди гостиной стоял невысокий полный человек с бледно-голубыми глазами, смеявшимся за стёклами очков. Кажется, в этой комнате только ему было смешно.

– Фройляйн, – ответила я, поправляя платье и стараясь не глядеть на Джона. Но и так чувствовала его сверлящий взгляд.

– Рад с вами познакомиться, – мужчина подошёл ближе и протянул руку. – Доктор Фридрих Кёлер.

– София Горцева, – пожала протянутую ладонь и зачем-то добавила. – Сиделка.

Доктор Кёлер перевёл взгляд на Кэлтона, наблюдавшего за сценой знакомства с непроницаемым выражением лица.

- Думаю, Джону очень повезло с вами.

Снова насмешка? Щёки мои уже были пунцового цвета. И сейчас я даже порадовалась, что на мне очки и парик, и этот камуфляж хоть немного скрывал моё смущение.

- Пора ехать, - всё тот же недовольный, даже сердитый голос Кэлтона.

- Я вас провожу. Позвольте взять ваши чемоданы, фройляйн Горцева.

- Спасибо, - стараясь не смотреть на Джона, я обошла его кресло, взялась за ручки и покатила в сторону выхода.

Доктор Кёлер помог мне уложить вещи и кресло Джона в багажник огромного чёрного внедорожника. Кажется, в шпионских фильмах именно на таких ездят агенты ФБР.

Когда мы закончили с погрузкой, я заметила, что мой наниматель уже сидит на пассажирском сиденье.

- А... кто... поведёт машину? - разговаривая с ним, я каждый раз чувствовала себя очень глупо, смущаясь, делала чересчур большие паузы между словами и от этого ощущала себя ещё большей идиоткой.

- Вы, разумеется. - он и смотрел на меня так, будто я умственно отсталая. - Или у вас с этим какие-то проблемы?

- Н-нет, конечно, н-нет, - ну вот, теперь я начала заикаться.

Как хорошо, что в своё время сделала международные права. Вот только курсы вождения я закончила два года назад. И с тех пор за рулём сидела ровно три раза. Своей машины-то у меня нет. Да как-то и необходимости в ней не было. Я ведь даже работаю в основном дома или в ближайшем кафе.

- Ну тогда садитесь, чего вы ждёте?

- Джон, - доктор Кёлер подошёл со стороны пассажирского окна и негромко произнёс, - ты бы полегче с девочкой.

- Я разберусь, - буркнул Кэлтон, застёгивая ремень безопасности.

Я повернула ключ зажигания, и двигатель взревел. Ой, мамочки, это ж просто монстр какой-то.

Чувствую, та ещё поездочка будет.

8

Пальцы дрожали, когда я поворачивала ключ зажигания. И когда очень медленно выруливала с парковки тоже.

Почти на выезде меня заморозил ледяной голос справа.

- Вы так уверенно стартовали. Знаете, куда ехать?

Вот чёрт! Конечно, я не знаю. И даже не удосужилась поинтересоваться маршрутом. Дура - это слишком высокое звание для меня. Вот почему рядом с этим мужчиной я так нервничаю, что превращаюсь в круглую идиотку? Вроде раньше подобным не страдала.

Я снова припарковала машину, заняв сразу три места, но это совсем не то, что волновало меня в данный момент. Постаралась собрать остатки достоинства, размазанного где-то по асфальту, под колёсами автомобиля, и вполборота повернулась к своему нанимателю.

- Каков у нас пункт назначения? - в улыбку попыталась вложить всю уверенность, которой, совершенно определённо, я сейчас не испытывала.

– Порт Кале, – он даже не посмотрел на меня, продолжая любоваться припаркованными по обе стороны автомобилями.

– Кале? – переспросила я, чувствуя себя ещё глупее, чем пару минут назад. Если подобное вообще можно представить.

– Да, Кале, Франция. Вы знаете, где это?

Готова поспорить, что он издевался. Насмешка не просто явственно звучала, даже не пытаясь скрываться, она вообще была единственной эмоцией в его ледяном голосе.

– Я нет, а вот он, – я обернулась и достала сунутую между сиденьями сумочку, в которой лежал мой смартфон, – точно знает.

Улыбнулась и помахала телефоном перед напрягшимся от моей реакции Джоном. У меня всегда так: когда чего-то очень сильно боюсь, страх парализует инстинкт самосохранения. Могу начудить, что угодно.

Я запустила навигатор, стараясь не думать, в какую сумму за международный роуминг мне выльется эта поездка. Надо срочно подключиться к какому-нибудь европейскому оператору.

– Кале, Франция, – проговорила в микрофон.

– Сейчас поищу, – ответил мне игривый женский голос и буквально мгновение спустя добавил. – Взгляните на найденные варианты.

Ничего себе – почти восемьсот километров. Восемь часов пути рядом с недружественно настроенным нанимателем. Но что поделать – се ля ви,* как говорят во Франции, куда мы сейчас направляемся.

Я нажала кнопку «Поехали» и зафиксировала телефон в специальном отделении на «торпедо». Краем глаза я видела, что Джон искоса поглядывает на меня.

Я была безумно довольна собой. Мне казалось, что я уела этого заносчивого американца. Ты что думал, я какая-нибудь простушка? Что я не справлюсь?

Растеряюсь и начну хныкать? А вот и нет, Джон Кэлтон. Я тебя сделала. Глупая русская девчонка. Не ожидал, да, что я смогу решить эту задачку? Причём так легко и изящно.

Я почти летела, гордая собой.

Вроде даже руки дрожали уже гораздо меньше. Но руль я всё равно сжимала изо всех сил, словно он был единственным оставшимся якорем в этом море безумной скорости.

Казалось, что здания и деревья чересчур быстро проносятся мимо меня. А встречные машины так и вовсе вжухают мимо, как космические корабли, которые бороздят просторы вселенной со сверхсветовой скоростью.

Я глянула на спидометр. Прибор показывал двадцать пять миль в час. Прикинула, сколько это будет в километрах. Если правильно считаю, то около сорока. Вполне нормальная скорость для небольшого городка, на окраине которого находилась клиника. Если вдруг на дорогу перед машиной выскочит ребёнок или кошка, я успею затормозить.

Где-то через полчаса навигатор вывел нас на автобан. И я вздохнула свободнее – всё-таки здесь меньше опасностей куда-нибудь врезаться. Главное, не превышать скорость. И всё будет хорошо. Всё получится. Ещё бы пальцы так сильно не сжимались на руле.

За всё время пути Джон не произнёс больше ни слова. Хотелось бы мне узнать, о чём он думал. Я старалась слишком часто не смотреть на своего нанимателя, но глаза, словно сами собой, то и дело скашивались вправо.

Сзади истошно засигналили. Я посмотрела в зеркало заднего вида. Позади нас пристроился какой-то придурок на красной «Ауди» и истошно жал на гудок.

– Да обгоняй ты уже, справа две полосы свободные, – пробормотала я негромко по-русски.

«Ауди» ещё посигналила и обогнала нас. Ну вот и чего было шум разводить?

– Перестройтесь в правый ряд, – раздался раздражённый голос спассажирского сиденья.

– 3-зачем? – так! София, не заикаться!

– Левые для скоростной езды, для черепах – правый.

– Тише едешь, дальше будешь, – парировала я, но включила сигнал поворотника и перестроилась на самую правую полосу. Приказ начальства – закон.

Вот если честно, спустя какое-то время мне даже понравилось водить машину. Особенно, по автобану. И почти совсем не страшно.

По три полосы в каждую сторону. Идеально ровный асфальт. Понятная разметка. Редкие светофоры. Давно я не получала такого удовольствия от вождения. И если б не хмурая физиономия справа, вообще было бы сказочно...

Откуда она появилась, я так и не поняла. Вот только что небо было безоблачным, а дорога была совершенно чистой. Асфальт легко ложился под колёса. И вдруг... этот странный, неприятный звук. Я сразу напряглась.

Нас обогнала жёлто-сине-белая машина с проблесковыми маячками на крыше и начала подавать усиленные световые сигналы, при этом издавая тот самый неприятный звук.

– О господи, что это? – прошептала я, не понимая, что происходит.

– Это полиция, они хотят, чтобы мы проследовали за ними, – последовал ответ справа. Мне показалось, или в голосе проскользнула усмешка?

– Но мы ведь ничего не нарушали... – я просто недоумевала.

Что им нужно? Полиция... Брр...Слово-то какое страшное. Особенно, с моим российским менталитетом. Я тут же почувствовала себя преступницей, злостной нарушительницей закона. Представила, как разноцветный автомобиль прижимает нашу машину к обочине. Двое полицейских выволакивают меня из-за руля, бросают на капот и надевают наручники.

Мамочки, страшно-то как! Я не хочу в тюрьму!

- Что мне делать? – голос панически дрожал, ладони взмокли и скользили по рулю.

- Ехать за ними.

- А может, попробовать оторваться? – оживилась я, представляя, как вдавливаю педаль в пол, и машина мчит по шоссе со скоростью ветра.

- Вы пересмотрели шпионских фильмов? – остудил меня голос справа.

Я сникла. Действительно. Это очень глупо. Придётся положиться на судьбу.

Только бы не в тюрьму. Пожалуйста.

Ехали мы так долго. Разноцветная машина с включенными проблесковыми маячками быстро двигалась впереди. И мне приходилось увеличивать скорость, чтобы не отстать.

- И чего они так гонят? Может, вовсе и не мне сигналили?

- Вам. – короткий ответ и даже не взглянул на меня.

Вот ведь бука какой. Неужели сложно сказать что-нибудь приятное?

Минут через десять полицейский автомобиль замигал левым поворотником и начал перестраиваться в левую полосу. Я повторила его маневр.

Впереди показалась заправка.

- Нам туда, – буркнул американец.

Но я уже и сама догадалась, что там и начнётся самое страшное.

*«Селяви» (C'est La Vie) – французская поговорка, в дословном переводе означающая «такова жизнь».

9

Полицейская машина остановилась на небольшом пятачке свободного пространства, и я припарковалась за ней.

Пальцы судорожно сжимали руль. Дыхание сбивалось. Сердце, казалось, готово выскочить из груди.

Я так нервничала и переживала, что пропустила момент, когда полицейские вышли из машины. И вздрогнула от неожиданного стука в окно. Нажала кнопку, и стекло опустилось, открывая моему взгляду узкое лицо с острым подбородком и тонкими светлыми усиками над верхней губой. Козырёк фирменной фуражки был надвинут так низко, что глаза почти скрывались в его тени. Стражу порядка приходилось высоко задирать голову, чтобы осмотреть салон.

Затем полицейский начал говорить. По-немецки... Я поняла только, что он поздоровался и представился. А вот дальше...

Меня затрясло ещё больше. Это была первая встреча с представителем правоохранительных органов. И мне казалось, что ничего хорошего здесь не будет.

Полицейский замолчал и уставился на меня. Что ему нужно? Он хочет вытащить меня из машины и отправить в тюрьму?

– Дайте ему свои права, – велел голос справа.

– Что? – я совершенно забыла, что Джон Кэлтон находится рядом со мной, и вздрогнула от неожиданности, настолько были напряжены мои нервы.

– Дайте. Ему. Свои. Права. – повторил он почти по слогам.

– А, да, конечно, – облегчённо выдохнув, отмерла я и начала копаться в сумочке.

Права. Ну конечно, ему нужны всего лишь мои права. Я готова была рассмеяться от облегчения. Но пальцы всё равно дрожали, и никак не получалось расстегнуть «молнию».

И тут я снова замерла, потому что мои руки вдруг накрыла широкая мужская ладонь. В противовес любым ожиданиям она не была гладкой, скорее, немного шершавой, словно её обладатель не проводит свои дни в офисе в обществе длинноногой секретарши и биржевых сводок, а... делает что-то своими руками. Такое разве возможно?

От его ладоней шло какое-то тепло. Но не успокаивающее, а, напротив, будоражащее нечто глубоко внутри меня. Нечто такое, о чём я даже никогда и не думала. Просто потому, что не догадывалась о его существовании.

Я сглотнула и подняла на него глаза.

– Дайте мне, – он проговорил это почти ласково, и я разжала пальцы, стискивающие сумку.

Джон быстро нашёл водительское удостоверение и через меня протянул полицейскому. Затем передал ещё какие-то документы. Мой наниматель бегло говорил по-немецки. Из его беседы с полицейским я уловила слова «владелец транспортного средства» и «моя помощница». Хотя, возможно, я неправильно перевела.

Страж дорожного порядка изучил документы моего нанимателя, а затем вновь переключил внимание на мои. Он несколько раз переводил взгляд с меня на фото в удостоверении. И наконец резюмировал:

– Das sind nicht Ihre Dokumente.*

– Что? – затяжное шоковое состояние всё не отпускало. Я никак не могла понять, что этот человек в дурацкой фуражке мне втолковывает

– Он говорит, что это не твои документы, – перевёл мне Джон, правильно истолковав мой ступор.

– Как не мои? Что значит, не мои?! – я чувствовала, что вот-вот и у меня начнётся истерика.

Джон вышел из машины и подошёл к полицейскому. Вскоре к ним присоединился и второй страж, который осматривал машину снаружи. Мужчины втроём что-то активно обсуждали, при этом рассматривая мои права, а затем поворачивая головы в мою сторону.

Наконец Кэлтон вернулся в машину и уставился на меня хмурым взглядом. Мне совсем поплохело. Несколько секунд я сидела ни жива ни мертва, а потом всё же решила повернуться к нему. Была не была, двум смертям всё равно не бывать.

– Снимай парик, – потребовал он, как только наши глаза встретились.

– Что? – на этот раз вопрос прозвучал просто жалко.

– Эти ребята, – Джон на несколько секунд прикрыл глаза, тяжело вздохнул, а затем указал на полицейских, – готовы отвезти тебя в участок и держать там до выяснения личности, потому что фотография в правах вообще не похожа на то пугало, которое сидит за рулём. Поэтому хватит дурацкого фарса. Снимай. Парик.

В последних словах уже звучала неприкрытая угроза. Я всхлипнула и, постаравшись собрать в кулак всё своё оставшееся мужество, стянула с головы мышинное гнездо.

– И очки, – велел он.

Меня разоблачили так быстро, что сейчас идея с переодеванием казалась ещё более глупой, чем дома у тёти Кати. И как я всё это ему объясню?

Джон несколько секунд внимательно изучал моё лицо. Я не выдержала и опустила взгляд. Чувствовала себя очень глупо. И ещё было стыдно.

Полицейские обсудили моё преображение и ушли в свою машину. Спустя несколько минут один из них вернулся и вручил мне какую-то бумагу. Я повертела в руках листок, исписанный немецкими словами. Деваться было некуда, сама я не могла перевести.

– Что это? – спросилау Джона.

– Вы должны оплатить штрафв десять евро за нарушение порядка, – хмыкнулмой наниматель, изучив бумагу. – Наличными.

– За то, что я вела машину в парике и не была похожа на свою фотографию? –ожидание неминуемой расплаты сделало меня смелее, даже сарказм вдруг вылез из какой-то дальней кладовки. Всё равно ведь Кэлтон не даст мне пощады после такого обмана, чего уж теперь.

– Нет, за то, что ты ехала слишком медленно, – вдруг огорошил меня Джон. Мне показалось, или он едва сдерживает смех?

– Я думала, штрафуют за превышение скорости. – пробормотала вполголоса, роясь в сумочке. – Но чтоб за спокойную езду...

– Минимальная разрешённая скорость на автобане – шестьдесят километров в час, – просветил меня Кэлтон.

– Буду знать, спасибо, – буркнула, не чувствуя абсолютно никакой благодарности.

Настроение было препаршивейшим. Я перерыла сумочку, надеясь, что где-то у меня завалялись наличные деньги. Они, конечно, и завалялись, вот только не те...

Я забыла поменять рубли. Чёрт! чёрт! чёрт!

И что теперь делать?

Они оба ждали моего ответа. Кэлтон, сидя справа, полицейский, стоя слева.

Прощайте гордость и самоуважение.

- Мистер Кэлтон, вы не могли бы одолжить мне десять евро?

О-о, этот его взгляд. Им можно травить тараканов, ни один бы не выжил. К моему счастью и огромному облегчению, он не стал никак комментировать мой очередной прокол. Вместо этого Кэлтон молча вышел из автомобиля и подошёл к полицейским.

Я устало прижалась лбом к рулю. Не было сил смотреть, как мой наниматель оплачивает мой же штраф за моё неумение быстро водить машину. Нет, ну где это видано - штрафовать за аккуратную езду? А если бы я гнала как сумасшедшая? Ничего этого бы не было?

Водительская дверь открылась, и я повернула голову. Джон протянул мне оплаченную квитанцию, и я автоматически приняла её.

- Вылезай, - вдруг скомандовал он.

- Что? - меня будто заклинило.

- Ну это уже просто невозможно, - Кэлтон схватил меня за руку и вытащил из машины.

* Das sind nicht Ihre Dokumente - это не ваши документы (нем.)

Эта пигалица оказалась той ещё актрисой. Ему почему-то и в голову не пришло, что она только старается казаться страшной.

Хотя подвох он заподозрил в тот самый момент, как у неё пропал жуткий русский акцент. А произошло это, когда они остались вдвоём. И любимый сыночек исчез с горизонта. Совпадение? Джон так не думал.

С этой девицей что-то было нечисто. И Кэлтон намеревался узнать, что именно.

Как только выяснилось, что она не та, за кого себя выдаёт, Джон позвонил своему начальнику службы безопасности и отправил фото её прав. Пусть Далтон разбирается. Это его работа.

А сам он намеревался понаблюдать за своей – даже смешно произносить вслух – сиделкой.

Джон даже пересмотрел маршрут, решив отправиться в Кале на машине и за время пути получше изучить эту пигалицу. Кто ж знал, что она не умеет водить машину. Какое забавное было лицо у девчонки, когда она узнала, что оштрафована за слишком медленную езду. Да уж, такое и нарочно не придумаешь. Джон усмехнулся про себя и скосил глаза на нахохлившуюся на пассажирском кресле сиделку. Сейчас она была похожа на воробышка.

Мужчина подавил в себе острый приступ жалости и... нежности. Вот уж дудки, эта непонятная особа его не разжалобит. Не разведёт на эмоции. В его возрасте уже стыдно вестись на подобное.

Но если уж совсем честно, а Джон привык быть откровенным с собой, тот момент, когда девчонка сняла парик, он вряд ли когда-нибудь забудет.

Это было... Это было как удар под дых, когда вышибло дыхание, и ты не можешь глотнуть воздуха.

Наверное, так выглядело преображение Золушки, когда фея-крёстная замахала своей волшебной палочкой.

Она оказалась совсем девчонкой. Вряд ли ей было хотя бы двадцать пять. Почти в два раза младше него...

И она сидела в машине такая жалкая, с огромными глазами, полными слёз. С собранными в пучок на макушке светло-русыми волосами. Маленькая растерянная девчонка. Его сердце проделало кульбит.

Эй, мужик остынь, успокойся.

Это просто инстинкт. Потребность взрослого сильного мужчины защищать слабых. А девчонка в тот момент выглядела совсем уж пришибленной. Разумеется, в нём разыгралась жалость. Ничего более. А то, что тело отреагировало на неё. Так это тоже инстинкт. Альфа-самца, у которого давно не было самки.

Всё было просто, понятно и разложено по полочкам.

Джон ещё раз скопил на неё глаза. Как он ни пытался найти в ней несоответствия с образом, но девчонка не выглядела хоть сколько-нибудь опасной. Вот совсем. Он не мог поверить, что её наняли, чтобы причинить ему вред.

Впрочем, с этим вопросом пусть разбирается Далтом. А пока Джону всё же следовало быть с ней осторожнее.

Он снова украдкой взглянул на неё. София, как он узнал из её удостоверения, усиленно смотрела в боковое окно и кусала губы. Они уже были ярко-алого цвета и слегка опухли.

Ох, лучше бы он об этом не думал. В брюках стало неудобно. Пришлось поёрзать по сиденью, чтобы найти более-менее комфортное положение.

И Джон снова разозлился. Какого чёрта он так реагирует?! Высадить её на ближайшей заправке и пусть топает к Адаму, который её неизвестно зачем нанял.

Была секунда, когда он чуть так и не поступил. Хотел выгнать её из машины. Оставить там, с полицейскими. Но он этого не сделал. Ей достаточно было

глядеть на него испуганно своими бездонными глазищами, и Джон не смог.

Точнее, дал ей отсрочку. Пусть побудет рядом с ним, пока он не выяснит, какого чёрта придумали Адам и Мередит.

Выгнать её можно в любой момент. Но сперва Джон собирался услышать правду из её хорошенького ротика.

В аэропорту Ганновера, на запасной полосе, Джона ожидал самолёт. Когда стало понятно, что до Кале они не доедут, он вернулся к первоначальному плану – добраться до французского порта воздухом.

Джон не очень любил летать, даже на собственном комфортабельном самолёте. Не то, чтобы боялся, но испытывал дискомфорт каждый раз, отрываясь от земли.

Вот то ли дело море. Там он чувствовал себя чуть ли не хозяином стихии. Когда ветер дул в лицо и бросался солёными брызгами, Джон был почти счастлив. Правда, в море он выходил всё реже и реже. Бизнес продолжал набирать обороты, и на отдых просто не оставалось времени.

Джон усмехнулся. Наверное, нужно сказать спасибо неизвестному отравителю – устроил ему внеплановый отпуск.

Телефон пиликнул, оповещая о новом сообщении. «Аурелия» вошла в порт. Наконец-то! Из-за шторма капитан Нойлз опоздал почти на сутки. Джон уже начал волноваться. Повреждения яхты несерьёзные. На устранение поломок понадобится всего два-три часа. Отличные новости.

Дорожный указатель сообщал, что Джон въезжает в Ганновер. Он в который раз за полтора часа пути скопил глаза на свою пассажирку.

Кажется, она задремала. Что ж, даже лучше, что София расслабилась. Тем проще будет снова выбить её из колеи. А это необходимо, чтобы она ответила правдиво на его вопросы.

Въехав в город, Джон закрутил головой по сторонам в поисках приличного рестораника. Наконец взгляд зацепился за уличное кафе, вывеска на котором сообщала: «Американская кухня». То, что надо. Он вывернул машину на парковку.

Девчонка проснулась и сонно заморгала. Но, осознав, где и, главное, с кем рядом она находится, снова превратилась в испуганного воробышка и сжалась у двери. Инстинктивно стараясь держаться на максимальном расстоянии от Джона.

Он припарковал свой внедорожник и повернулся к Софии.

– Пошли, – скомандовали, не оборачиваясь, вышел из машины.

Он был уверен, что она последует за ним. За время пути девчонка достигла нужного состояния и расколется, как только он надавит. Слегка. Этого будет более чем достаточно.

Под широкими зонтами стояли деревянные столики с деревянными скамейками. Почти половина оказалась занята. Джон выбрал стол и указал поникшей Софии на место напротив. Она опустилась на скамейку с таким видом, словно её привели на эшафот.

К ним тут же подскочила шустрая официантка в короткой пышной юбке и белой блузке с глубоким декольте. Кэлтон заказал стейк, обжаренные ломтики картофеля и свежавыжатый сок. За пять недель он успел соскучиться по человеческой еде.

– А вы что желаете? – обратилась официантка к Софии.

– Ничего, спасибо, – девчонка опустила глаза, но Джон успел поймать жадный взгляд, которым она скользнула по меню.

Он усмехнулся про себя. Гордая соплячка. Голодна, но не хочет просить у него.

– Девушке то же самое, – распорядился он. И на слабые попытки Софии отказаться от обеда возразил. – Вычту из твоей зарплаты.

Ух, эти её глазищи. Так и зыркает. Зацепилась за слово «зарплата». Взгляд загорелся надеждой, что её не прогонят.

Почему же ей так важна эта работа? И какую цель она преследует?

Ну что ж, сейчас он послушает версию девчонки. Джон отпил сока и скомандовал:

– Рассказывай. Всё и с самого начала.

11

Ну я и рассказала. Всё и с самого начала. И про брата с его... невестушкой, и про тётю Катю с Вильгельмом, и про Адама с Мередит. Всё, что произошло со мной за последние недели.

Джон слушал молча, только кивал иногда, то ли моим словам, то ли собственным мыслям. Я так и не поняла, поверил он мне или нет. Но дослушав до конца, коротко велел:

– Ешь, – и сам принялся за стейк.

Я старалась медленно и аккуратно отрезать маленькие кусочки. Сдерживалась. Тогда как хотелось вгрызться в сочное мясо и насладиться его ароматом. Готовили тут по-настоящему вкусно. Пальчики оближешь. Но я... робела. Да это было именно то чувство, что охватывало меня в присутствии Джона. Робость.

Он подавлял меня своей властностью, возрастом, мужественностью, харизмой. Тем, как скептически он вскидывал бровь, когда слышал новую информацию.

Я чувствовала себя нашкодившей школьницей в кабинете директора. Так и тянуло выпрямить спину и сложить ладони на коленках, обтянутых школьной формой.

Это было просто наваждение какое-то. Он и пугал, и притягивал меня одновременно.

Я видела, что Джон устал. Его лицо осунулось. Под глазами пролегли серые тени. А ведь мы всего часа два как в пути.

Он ещё не оправился от операции и быстро терял силы. Адам мог быть каким угодно сыном, но в одном он прав – я нужна Джону. Чтобы помогать и заботиться, пока Джон не восстановится окончательно. А ещё... Мне хотелось остаться рядом с ним. Помочь. Поддержать. Придать ему сил.

– Мистер Кэлтон, – я сказала это, прежде чем успела подумать, и тут же оробела.

Он вскинул на меня взгляд. Ожидающий. Оценивающий. Недоумевающий. Словно букашка какая у него под ногами заговорила.

Я откашлялась, чтобы голос не подвёл, зажмурилась и выдала.

– Позвольте, я сменю вас за рулём. До Кале ещё далеко, а вы устали... – к концу разговора мой голос был еле слышен.

Кэлтон выждал ещё несколько мгновений, ожидая продолжения. Когда его не последовало, бросил резко и ёмко. Одно только слово.

– Нет.

Меня будто холодом обдало. Арктическим. И я, как Амундсен на вмёрзшем в лёд корабле – не могу двинуться с места. А рядом опасный полярный медведь.

Отпила сока, чтобы прогнать горечь обиды, что текла ручейком по губам. Вот зачем он так? Я же помочь хочу.

Больше Джон ничего не говорил. А я не решалась спрашивать. Его «нет» было таким... красноречивым, что я не рискнула больше нарываться.

Кэлтон расплатился за наш обед и оставил девушке щедрые чаевые. Может, он и грубиян. Но жмотом точно не был.

Он поднялся из-за стола и размашистым шагом направился к машине. А я замешкалась. Очень хотелось в туалет.

Кэлтон обернулся один раз, уже у внедорожника, когда нажал кнопку сигнализации. Заметив, что я всё ещё топчусь у входа в кафе, вскинул бровь треугольничком. И я послушно засеменяла к нему.

Уже на подходе возмутилась собственной бесхребетности. Вот что за тварь я дрожащая, если даже в туалет права сходить не имею? Пока шла к нему, настраивала себя на внутренний отпор. А главное – пыталась воззвать к собственному здравому смыслу. Это ж сколько ещё терпеть придётся. Когда теперь Джон решит остановиться.

Я взрослая, современная, уверенная в себе женщина.

Накручивала себя и настраивала. Все эти два десятка шагов. А когда дошла до него, снова начала мямлить.

– Мистер Кэлтон, можно я... можно мне... в дамскую комнату?

Звучало жалко. Снова напроказившая школьница извиняется перед директором.

– Мисс София, вы можете не спрашивать у меня разрешения каждый раз, как вам приспичит сходить в туалет.

– Спасибо, – я развернулась и помчалась обратно в кафе. Старалась сделать всё как можно быстрее. Почему-то было страшно, что он уедет без меня.

Но к моему большому облегчению чёрный внедорожник стоял на прежнем месте. А Джон сидел за рулём и разговаривал с кем-то по телефону.

Облегчение было столь явным, что я заулыбалась. Открыто и радостно. И в этот момент он повернул голову. Наши глаза встретились. Мои, цвета коры клёна, и его – небесно-голубые с острыми льдинками.

Разумеется, я первой опустила взгляд. Оробела. Мышкой прошмыгнула на пассажирское сиденье, пристегнула ремень безопасности. И застыла.

Джон молча завёл двигатель и вырулил с парковки.

Ехали не слишком долго, минут пятнадцать. Я заметила, что мы выехали за город. Пыталась любоваться видами Нижней Саксонии, но непроизвольно то и дело скашивала глаза на профиль своего работодателя.

Джон был очень привлекательным мужчиной. И очень взрослым. Посеребрившая виски седина. Сеточка морщин вокруг глаз. Всё говорило о том, что он намного старше меня. Сколько ему лет? Хорошо за сорок. Значит, лет на... двадцать... Блин, целая жизнь, как пропасть между нами.

Стоп! А почему это я думаю о разнице в возрасте? Какое мне вообще до этого дело?

Я перевела взгляд на руки Джона. Широкие крепкие, по-настоящему мужские ладони. Я вспомнила прикосновение его пальцев, чуть шероховатых. Чувствовать их на своей коже было приятно. По груди и плечам вверх побежали мурашки. Меня бросило в жар, хотя в салоне работал кондиционер.

Так, Горцева, стоп! Подобные фантазии до добра тебя не доведут. У этих американцев вообще с субординацией очень строго. Он твой наниматель. Работодатель. Босс. Начальник. К тому же он старше тебя на целую жизнь.

Очнись!

Действительно, глупо. Ведь вряд ли я ему могу понравиться. Он же миллиардер. А я... Кто я? Неудачница по жизни. Скоро и дома своего не останется.

Маневр помог. Стало грустно и очень жаль себя.

С усилием снова перевела мысли в другую плоскость. Интересно, а чем он занимается?

Модная одежда? Нет. Глядя на его простые джинсы и футболку, сразу понятно, что нет.

Строительство? Я попыталась представить Джона в стильном костюме и белой каске со свёрнутыми в рулончик чертежами. Ближе, но всё же что-то не то...

И тут за окном появились они. Огромные стальные птицы. Серо-бело-синих оттенков.

- Мы что, в аэропорт едем? - не сумела сдержать вопрос.

- Уже приехали, - лаконично ответил Джон и свернул с трассы.

Это был мой первый частный самолёт. И выглядел он, надо сказать, так, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Впечатляюще, одним словом.

Белый, а крылья - чёрные, загнутые вверх по краям. И силуэт изящный, в отличие от «боинга», на котором я сюда прилетела.

Внутри была светлая мягкая кожа. Я опасливо опустилась в кресло. Джон уверенно, привычным движением сел напротив. Улыбчивая стюардесса спросила, какие напитки мы хотим, и сообщила, что сейчас взлетаем. Кэлтон милостиво кивнул, читая какие-то бумаги, разложенные перед ним на столике.

Самолёт ожил, словно просыпаясь ото сна, радостно загудел. Двинулся вперёд по широкой взлётной полосе. Сначала медленно, пробуя свои силы. А затем всё быстрее, радостнее, стремясь окунуться в небесную стихию.

Момент, когда самолёт отрывается от земли, я чувствовала всегда очень остро. Пальцы сами уцепились в кожу сиденья так, что костяшки побелели от напряжения. Веки опустились, отгораживая меня от внешнего мира. Погружая в царство звуков и скорости.

- Боитесь летать? - вырвал меня из транса голос Джона.

Я ничего не ответила, только кивнула.

– Я тоже не в восторге от неба, – хмыкнул он. – Но лететь нам недолго.

Я даже глаза от удивления открыла. Джон Кэлтон только пытался меня отвлечь от неприятных ощущений? Но он уже на меня не смотрел, снова погрузился в свои бумаги.

Мне заняться было нечем, а в иллюминатор я смотреть боялась. Из него слишком хорошо видно, какая даль до земли.

– Там журналы, – он махнул рукой в сторону диванчика, на который я поначалу не обратила внимания.

Я отстегнула ремень безопасности и пересела поближе к журналам.

Стюардесса всё с той же неизменной улыбкой принесла ему апельсиновый сок, а мне вишнёвый.

Я сделала глоток и просмотрела обложки. Хм. Мода. Глянец. Гламур. Только на английском языке. Он что, здесь постоянно баб перевозит? «Ну разумеется, – хмыкнул ехидный голос внутри меня, – он же миллиардер, у него обожательниц, как у собаки блох».

Таких, как Мередит. Некстати вспомнились слова тёти Кати о том, что сначала она встречалась с Джоном, а затем переметнулась к его сыну. Я представила девушку здесь, на борту. Хрупкая, изящная, ухоженная, стильная, она идеально вписалась бы в обстановку. Не то что я...

Настроение опять скользнуло под плинтус и отказывалось вылезать оттуда. Я сложила журналы аккуратной стопочкой и устроилась в иллюминатор. Даже страх отступил куда-то в тёмный угол, оказавшись беспомощным перед острым осознанием собственной никчёмности. Я ведь никогда такой не буду – яркой, красивой, уверенной в себе. Мы с ним не просто из разных миров, мы с разных планет...

И вдруг я забыла обо всём. Передо мной открылась потрясающая картина.

Внизу было море. Оно раскинулось серым покрывалом, омывая изрезанную линию материка, на котором виднелись более ровные линии городских улиц.

Как же красиво.

В третий раз появившаяся стюардесса отвлекла меня от любования величественной панорамой. Она забрала стаканы и сообщила, что мы начинаем снижение. Я вернулась в кресло и пристегнула ремень.

12

В аэропорту нас ждал такой же чёрный внедорожник. Я даже подумала было, что Джон велел его перегнать сюда. Но потом поняла собственную глупость. Летели-то мы намного быстрее.

К тому же в машине сидел водитель. Ух ты! Кажется, его предки были индейцами. Я поняла, что совершенно невежливо плююсь, только когда Джон подтолкнул меня в спину. Оказывается, я так и застыла в двери.

– Ой, здравствуйте, – от толчка почти упала на сиденье и тут же вспомнила о вежливости.

– Добрый день, мисс, сэр.

Кэлтон сел рядом со мной. Я заметила, что на какое-то мгновение брови водителя изумлённо приподнялись, но лицо тут же приняло прежнее, чуть отстранённое выражение. Наверное, всё-таки показалось. Что удивительного в том, что начальник сел на заднее сиденье? Вот именно – совершенно ничего. Это ж его машина, куда хочет, туда и садится.

– Привет, Далтон, у нас всё готово?

– Да, сэр, ждём только вас.

– Отлично, – наниматель удобнее устроился на сиденье и занял большую его часть. Во всяком случае сидел он теперь прямо вплотную ко мне. Вроде бы из клиники забирала его худым, а на воле вон как разъелся.

Я попыталась подвинуться влево, но там стояла большая кожаная сумка. Пришлось остаться на месте.

Бедром и плечом, там, где мы почти соприкасались, я чувствовала тепло мужского тела. Меня саму вдруг обдало жаром. От осознания. Он был так близко. Так пугающе и необратимо близко. Я чувствовала его запах. Что-то свежее, морское и в то же время пряное. Невообразимо притягательное. У меня возникло непреодолимое желание прикоснуться к нему. Коснуться его кожи. Даже кончики пальцев засвербило. В тот момент это ощущалось совершенно правильным и важным.

И я решилась... потрогать Джону лоб. Вдруг у него поднялась температура. Всё же он недавно перенёс серьёзную операцию. Уговаривала я себя.

Хоть и понимала, что делать этого, скорее всего, не следует. Помнила, что работодатель не слишком-то привечает мои попытки помочь. Но отступить уже не могла.

Рука сама собой начала подниматься вверх, стремясь к его лицу. Джон, наверное, заметил моё движение, потому что повернул голову. Не знаю, что такое он разглядел в моих глазах, но его собственные зрачки вдруг расширились, заполняя радужку. Ноздри дрогнули, как будто пытались втянуть мой запах.

Я коснулась его виска, не разрывая зрительного контакта. Даже не знаю, что мною в этот момент руководило. Это была не я. Какая-то космическая сила притягивала мою руку к его лицу. Так, наверное, создаются галактики, когда ничто во вселенной не может удержать мощь гравитации, примагничивающей планеты друг к другу.

Я почувствовала, что и всё моё тело так же необратимо тянет к нему. Мои пальцы скользнули ниже, по щеке, обхватывая его шею. Мои губы приоткрылись в ожидании...

Я не знаю, что со мной в тот момент происходило. И чем бы всё это закончилось, если бы Джон вдруг не моргнул и не спросил осипшим голосом.

- Что ты, чёрт побери, делаешь?

- Измеряю вам температуру, - ответила я так же хрипло.

Господи, что же я творю! Я горела, как сверхновая звезда, затмевающая своим взрывом целую галактику. Но его вопрос вывел меня из взрывного состояния.

Только сейчас до меня дошло...

Мы в машине не одни - раз. Я нагло лапаю своего работодателя - два. Да я практически только что ему предложила вся и целиком - это три, четыре и пять в одном флаконе.

Мамочки мои родные! Похоже, моя карьера сиделки завершилась, не успев начаться. Он же точно меня теперь выгонит. И рекомендаций не даст. Точнее, наоборот, даст, но чтобы мне совсем ничего больше не светило.

Я постаралась съёжиться, стать тише и незаметнее. Чтобы буравящий взгляд (бывшего или всё-таки будущего - ненужное зачеркнуть) работодателя проходил мимо моей скромной персоны. По крайней мере, не скапливался на мне в такой концентрации, что впору нефть в образовавшейся скважине искать.

И ещё он молчал. Если б высказался, наорал бы на меня. Такое я бы поняла. А так молчал и смотрел. Мечущие молнии грозовые глаза широко раскрыты. Радужка полностью чёрная. Лицо хмурое. Выражение на нём непроницаемое, нечитаемое, непонятное.

Тут, хочешь не хочешь, съёжишься.

Но всё-таки какой он приятный наощупь...

Порт вырисовался неожиданно. Вот ехали мы по улицам чистенького городка, где аккуратные трёх-четырёхэтажные дома с терракотовыми крышами плотно

лепились друг к другу, словно боясь упасть поодиночке. И вдруг показалась изрезанная бухта и песчаный пляж, где-то вдалеке справа. Фигурки людей из-за расстояния казались очень маленькими и какими-то ненастоящими.

Зато корабли, кораблищи и кораблики теперь окружали меня со всех сторон. Я напрочь забыла о смущении и, перегнувшись через сумку, смотрела в окно. Корабли были повсюду. Некоторые совсем маленькие, с одним парусом, или даже вовсе без оногo. Другие – огромные, грузовые платформы, на которых помещались сотни, а может, даже тысячи контейнеров для перевозки фруктов или ещё каких вкусностей.

Рыбацкие траулеры, прогулочные яхты, транспортные суда – здесь было всё.

Я не сумела сдержать вздох восхищения. Никогда раньше подобного не видела. Вся эта потрясающая картина в целом и каждый корабль по отдельности приводили меня в восторг.

Я с упоением вчитывалась в имена судов. Здесь был и Роден, и Бернар, и Пикассо – из великих. Рио, Морской волк, Быстрый карасик и многие другие. Некоторые названия вызывали уважение, другие – улыбку.

А потом я заметила её.

«Аурелия» – так было написано на её борту. Двухпалубная большая моторная яхта, от которой невозможно было оторвать глаз. Ниже ватерлинии она была ярко-синей, а сверху – белоснежной. Металлические поручни серебристого цвета играли с солнечными зайчиками.

Я даже не заметила, что машина остановилась. Но мужчины не спешили выходить. Они смотрели на меня, поражённую великолепным образчиком современного судостроительства.

– Нравится? – вдруг спросил Джон с какими-то нотками гордости в голосе.

– Она великолепна, – выдохнула я.

Мой наниматель словно приосанился, хотя в салоне автомобиля подобное было сложно разобрать. Но на его губах появилась очень довольная улыбка, когда он с гордостью сообщил:

– Это я её построил.

13

Джон оставил Далтона разбираться с вещами, а сам проводил меня до комнаты.

– Это твоя каюта, – сообщил он, отодвигая дверь.

Так здорово, здесь все двери не открывались на петлях, а сдвигались в сторону. Думаю, это из-за штормов, чтобы во время качки нос кому-нибудь не расквасило.

Сам Джон ко мне не зашёл, остался снаружи. Задвинув дверь и закрыв замок изнутри, я наконец смогла спокойно выдохнуть и расслабиться.

Бросила сумочку на столик, а сама растянулась на широкой двуспальной кровати. Ух ты! Какая благодать. Матрас был не слишком мягким, но и не слишком твёрдым – именно то, что нужно. К тому же отлично пружинил. Я вспомнила старенький диван, на котором спала дома. И сравнение было далеко не в его пользу.

Здесь всё было не просто дорого, здесь было шикарно. Возможно, во мне говорили комплексы простого смертного, но, казалось, что на каждой вещи здесь висел ценник. Вот, например, эта чёрная ваза, похожая на колбу. Сколько она может стоить? Я даже приблизительно не представляла. Но вряд ли подобная сумма нашлась бы у меня на карточке.

Вдруг с ужасом представила, что может случиться, если я её разобью. Меня прошиб холодный пот. Я вообще не люблю бьющиеся аксессуары, сервизы, статуэтки и прочие хрупкие вещи. Я так часто была что-то из этого перечня, что бабушка начала меня называть ходячей катастрофой. И когда сервировала стол для гостей, гнала меня из комнаты подальше.

Вот скажите, зачем на корабле нужны такие штуки? А если шторм? Качка? Всё ведь попадает на пол и разобьётся вдребезги.

Я не выдержала и подошла к вазе. Осторожно взяла её в руки и тут же облегчённо выдохнула. Фух. Пронесло. Она оказалась из какого-то тонкого и очень лёгкого металла – не разобьётся.

Жить стало легче. Жить стало веселее. И я решила обойти свои владения.

В предоставленной мне комнате преобладали три цвета. Основная гамма была светло-коричневой, нежной и тёплой. Её оттеняли белые и чёрные пятна. Вообще, думаю, к интерьерам этой суперяхты приложил руку какой-нибудь суперкрутой дизайнер, так идеально всё здесь сочеталось – и столики, и тумбочки, и разные стильные безделушки.

Напротив кровати висел большой, встроенный в стену телевизор. А рядом была какая-то ниша и в ней – нечто напоминающее ещё одну дверь. Я осторожно приблизилась ближе. Неужели меня поселили в спаренной каюте? В кино я видела, что бывают такие гостиничные номера. Вот вроде бы отдельная комната, а из неё – вход в соседнюю.

Даже представила, как ночью дверь открывается... ну ладно, отодвигается в сторону, и из проёма выходит... Но тут моя фантазия из пугающей становилась эротической. Потому что из двери отказывался выходить хоть кто-нибудь, кроме Джона.

Чтобы раз и навсегда разрешить для себя этот крайне важный вопрос, я храбро потянула дверь в сторону.

За ней оказалась ванная.

Но вместо того, чтобы радоваться собственной, отдельной, предназначенной только для меня ванной комнате, я почему-то почувствовала... разочарование.

Вот правду говорят, женская логика – страшная штука, никогда не поймёшь, какой кульбит она выкинет.

Впрочем, это не помешало мне тут же воспользоваться удобствами и принять душ.

Мои чемоданы ещё не принесли, но я не стала расстраиваться. В ванной нашлись ароматный шампунь и гель для душа. Названия на французском мне ничего не сказали, но выглядели бутылочки, как и всё остальное, уже почти привычно дорого.

После водных процедур я растёрлась пушистым полотенцем, расчесала мокрые волосы обнаруженной тут же расчёской, нанесла на кожу французский увлажняющий крем и почувствовала себя чуть ли не хозяйкой жизни. Даже не вольною царицей, а прям владычицей морскою.

Надевать одежду, в которой я приехала сюда, не хотелось, поэтому я накинула на обнажённое тело мягкий белоснежный халат.

Что делать дальше, я не знала. Поэтому решила дождаться, когда принесут мои вещи. Тогда оденусь и пойду поищу Джона. Нужно с ним поговорить и выяснить, какие именно обязанности у меня будут. Потому что, как я поняла, кормить себя с ложечки и возить по палубе в инвалидном кресле он не позволит.

В этот момент в дверь постучали. Я затянула потуже пояс халата и пошла открывать.

Я даже не успела открыть замок, как дверь отъехала в сторону. За порогом стоял злющий Джон, и в руке у него был электронный ключ-карта.

– Чего это вы закрылись? – он прошёл мимо с таким напором, что меня почти снесло с его пути. – Вам есть, что скрывать?

Он обошёл спальню, осмотрел ванную, где ещё сохранялась влага после моих водных процедур.

– Я принимала душ, – растерянная, я по-прежнему стояла у двери.

– На моей яхте никто не зайдёт к вам без спросу, – обвиняюще бросил он.

– Но вы же зашли, – с вызовом ответила я, уставившись на него. Нет, ну каков наглец – вваливается в мою комнату без разрешения, а потом сам же в чём-то и обвиняет.

Он даже как-то слегка растерялся. Посмотрел на открытую дверь, на карту в своих руках. Но тут же снова нахмурился.

– Я принёс вам ключ, думал, вы не знаете, как пользоваться электронным замком, но вижу, что разобрались.

Он бросил карточку на кровать и вышел за дверь. Но почти сразу же вернулся и занёс с каюту мои чемоданы.

– Вот, ваш багаж, – произнёс он почти миролюбиво.

– Спасибо, – хмыкнула я. Вот уж человек контрастов. Никак не пойму, чего от него ожидать.

И работодатель снова меня удивил, сел на кровать и сложил руки на груди. Выражение лица у него было решительное, но на что он решился – уж пойди угадай.

– Закройте дверь, – вдруг велел он.

Вместо того чтобы испугаться, я вдруг задрожала. Во рту пересохло, пришлось сглотнуть сухую слюну.

Что-то внутри меня, тяжёлое, первобытное, горячее, заставило повиноваться его приказу. На ватных ногах подошла к двери и активировала электронный замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orland_liliya/kruiz-s-milliarderom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)